

Христианская психология как научное направление: к истории вопроса

Б.С. Братусь Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила 6 февраля 2015/ Принята к публикации: 24 февраля 2015

Christian psychology as a scientific direction: on the history of the issue

Boris S. Bratus Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: February 6, 2015 / Accepted for publication: February 24, 2015

В статье впервые рассмотрены культурно-исторические предпосылки формирования нового научного направления в постсоветской России – христианской психологии. Показана преемственность этого направления с работами, которые велись в данной области до Октябрьской революции, и связь с трудами по психологии веры зарубежных ученых.

Исследуются причины возрождения интереса к психологическим проблемам духовного развития и религиозного мировоззрения. Несмотря на то, что определенные идеи, мысли относительно этих проблем появлялись и при советской власти, возможность же открытого движения в этом направлении возникла только после конца диктата советской идеологии. Появился и рос интерес к исследованиям личности, индивидуальности, к проблемам внутреннего мира человека, который немислим без учета духовных и религиозных аспектов сознания.

Описываются главные вехи истории становления Московской школы христианской психологии: деятельность семинара по христианской психологии и антропологии на психологическом факультете МГУ (1990 г.), создание лаборатории философско-психологических основ развития человека (по сути лаборатории христианской психологии) при Психологическом институте РАН, возникновение направления специализации психологического факультета МГУ – «психологии религии» (начало 1990-х гг.), издание первого в России учебного пособия для вузов «Начала христианской психологии» (1995 г.), организация «Челпановский чтений» в Психологическом институте РАО, проблематика которых затрагивала и христианскую тему.

Отмечена деятельность ряда подразделений Института педагогических инноваций РАО, начавших разработку практических вопросов христианской педагогики и психологии. Упомянуты международные конференции конца 1990-х – начала 2000-х годов по проблемам психологии религии и другие факты внедрения идей христианской психологии в научную, педагогическую и практическую деятельность в нашей стране.

Ключевые слова: Психология веры, психология религии, духовная сфера личности, христианская психология, история постсоветской психологии, Московская школа христианской психологии.

The paper is the first attempt to consider cultural and historical background of the new scientific direction of Christian psychology in the post-Soviet Russia. It shows the continuity of this trend with the works of the Tsar Russia period, and the connection with the works on the psychology of faith by foreign scientists.

The reasons for reviving the interest in the psychological issues of spiritual development and religious outlook are described. Despite the fact that certain ideas and attitudes to the issues mentioned above appeared at the Soviet time, the possibility of the open movement arose only at the decline of Soviet ideology. The interest in the study of personality and individuality was increasing on a par with the issues of man's inner world, which is unthinkable without spiritual and religious aspects of human mind.

The main milestones of Moscow school of Christian psychology development are highlighted: Seminar on Christian Psychology and Anthropology at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University (1990), Laboratory of Philosophical and Psychological Foundations of Human Development (actually Christian psychology laboratory) at the Psychological Institute of RAS, new specialty «Psychology of Religion» at the Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University (early 1990s), the first Russian edition of textbook «Christian Psychology» for high schools (1995), «Chelpanovskye readings» in the Psychological Institute of RAO, which touched on Christian issues.

Several departments of the Institute of Educational Innovations RAO start practicing Christian education and psychology. International conferences of the late 1990s - early 2000s on the psychology of religion and the implementation of other facts of the Christian ideas of psychology at educational and practical activities in Russia are mentioned.

Keywords: psychology of faith, psychology of religion, the spiritual sphere of the person, Christian psychology, history of post-Soviet psychology, Moscow School of Christian psychology.

Напомним афоризм, приписываемый Герману Эббингаузу: «У психологии давнее прошлое и короткая история». Давнее прошлое теряется в веках, когда предметом психологии была душа, разного рода представления о ее страстях, волнениях, переживаниях, падении, возвышении и т.п. Изыскателями этой области были философы, писатели, историки и, едва ли не в первую очередь, теологи. Например, связь между психологией и духовным образованием в России присутствовала издавна, со времен еще Киево-Могилянской духовной академии. Достаточно сказать о самой первой в России книге по психологии. Это – «Наука о душе» Ивана Михайлова, которая вышла в Москве в 1796 году (Ананьев, 1947; Ждан, 1997). Однако, как было показано петербургским историком Ю.М. Зенько, автором книги является не Иван Михайлов, а Иван Михайлович Кондорский, который, что важно в данном контексте, был лицом духовного звания: во время написания книги дьяконом, а позже – протоиереем Русской православной церкви (Зенько, 2000, 2009). Отметим, что эта книга сочетала как духовно-религиозную сторону изучения души, так и последние достижения тогдашнего психологическо-

Возвращаясь к афоризму Эббингауза, можно сказать, что сравнительно долгое (почти 200 лет) прошлое взаимоотношений церкви (более узко – духовного образования) и психологии сменилось в России совсем коротенькой историей ее диалога с уже научной психологией. Если условным годом рождения научной психологии считать год открытия Вильгельмом Вундтом Лаборатории экспериментальной психологии при Лейпцигском университете (1879), то эта история укладывается примерно в сорокалетие, поскольку к 1920-ым годам ни о каких изысканиях в области психологии веры, религии, христианства при советской власти речи уже быть не могло. На десятилетия остановились в России теологические исследования (малая часть ушла с русской эмиграцией на запад и там сохранился очаг их свободного развития). Что касается репрессированной научной психологии, то в нашей стране были под корень вырублены: педология (детская и педагогическая психология), психотехника (психология труда и инженерная психология), психоанализ, тестология, зоопсихология, социальная психология, поведенческая психология, психотерапия и др. (Братусь, 2000).

с упоминанием (тем более, исследованием) религии, веры в Бога (писавшимся тогда с маленькой буквы), подвергалось жесткой цензуре. Более того, именно в это (хрущевское) время из программ духовных училищ была исключена психология, читавшаяся там, как говорилось, со времен Киево-Могилянской академии. В этом плане христианская психология – наиболее длительно (около семидесяти лет) репрессированная ветвь психологического познания.

Надо ли говорить, что на Западе психологические исследования такого рода шли все эти годы своим чередом и в настоящее время можно назвать десятки зарубежных журналов, сотни статей и монографий, множество симпозиумов и конференций, связанных с темами христианской психологии и психотерапии. Вряд ли можно назвать хоть одного крупного зарубежного психолога, который не был бы отмечен значимыми работами в области психологии веры и религии. Достаточно вспомнить В. Джеймса, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма, Г. Олпорта, В. Франкла и др. В России же возможность открытого движения в этом научном направлении могла появиться только после конца диктата советской идеологии.

Фактическое уничтожение целых направлений научной психологии пришлось на тридцатые годы прошлого века, а первая возможность вновь приступить к некоторым из них появилась лишь к 1960-ым. Однако о христианской психологии, несмотря ни на какие «оттепели», по-прежнему речи быть не могло

го знания. А.Н. Ждан свидетельствует, что «И. Михайлов произвел систематизацию психологических знаний в духе английского эмпиризма (Ждан, 1999, С. 122). С этого времени можно проследить диалог церкви и психологии в России, который длился до начала XX века, когда он был прерван разгромом церкви и церковных наук, а вскоре и разгромом самой психологии (Братусь, 2000).

Фактическое уничтожение целых направлений научной психологии пришлось на тридцатые годы прошлого века, а первая возможность вновь приступить к некоторым из них появилась лишь к 1960-ым. Однако о христианской психологии, несмотря ни на какие «оттепели», по-прежнему речи быть не могло. И хотя «безбожные пятилетки» и массовые репрессии миновали, все, связанное

Борис Сергеевич Братусь – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Области научных исследований: клиническая психология, общая и прикладная психология личности, философские основы психологии. Автор более 180 печатных работ, в том числе 12 монографий
E-mail: kop-msu@mail.ru

Братусь Б.А. Христианская психология как научное направление: к истории вопроса. // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 3(19). – С. 4-14.

Bratus Boris S. (2015). Christian psychology as a scientific direction: on the history of the issue. *National Psychological Journal*, 10(3), 4-14.

Вместе с тем, дело нельзя представить лишь таким образом, что сами по себе новые условия («перестройка», «демократия») могли вернуть исследования в этой области. Как справедливо написал в начале девяностых прошлого века С.Л. Воробьев, постановка вопроса о христианской психологии была отнюдь не данью тогдашней моде, а попыткой «в специфической форме решить актуальную задачу восстановления связи. Наивно полагать, что кто-то по своей воле может вызвать из небытия полузабытые истины. Напротив: это полузабытое нами Бытие «вызывает» нас из нашего неподлинного бытия – «небытия». Мы лишь духовный орган, реагирующий на этот «зов» и пытающийся дать какой-то «ответ» (Воробьев, 1995, С. 85).

Неслучайно поэтому, что определенные идеи, мысли относительно христианской психологии появлялись (даже так – не могли не появляться) и при советской власти. Разумеется, не прямо и открыто в жестко подцензурной печати, а в разговорах, рассуждениях, на-

меках, письмах. Со стороны богословия очень интересным в этом плане документом является письмо (от февраля 1975 г.) иеросхимонаха Сампсона (Сиверса), в котором он, в частности, писал: «Очень жаль, выражу я, грешнейший и убогий ученостью, что на лекциях по нравственному богословию, т.е. по аскетике (которая с некоторых пор не читается и не преподается в нашей Духовной Академии) не введен предмет «православная психология», который анализировал бы психологию страстей греховных, склонности к ним, виды их проявлений, корни их и происхождение, и невольно бы научал пастырей быть лекарями грехов и пороков кающихся, и смог бы наглядно-убедительно приводить к покаянию, т.б. которое не есть осознание наименованиями греха священнику на исповеди, но есть жителство, перерождение сердца с принесением плодов осознания греха...».

Комментируя текст, его публикатор С.Л. Воробьев пишет: «Оставим в стороне обычные для христианского подвижника самохарактеристики типа «грешнейший» и «убогий ученостью»: старец Сампсон, в миру граф Сиверс – человек уникальной духовной биографии и европейской учености. Обратим внимание на два момента в письме: четкое осознание «зова» Бытия и конкретный ответ на этот зов, формирующий, в сущности, предмет и задачи православной психологии: целостное живое знание о генезисе греховных страстей и пастырское искусство врачевания человеческих душ. При таком понимании православная психология становится частью сотериологии – учения о спасении человека, восстановлении его души, поврежденной грехопадением» (Воробьев, 1995, С. 86-87).

По сути, в этом письме старец Сампсон говорит об острой актуальности для всей пастырской деятельности систематической разработки одного из пунктов представленной еще святителем Феофаном Затворником программы христианской психологии, где кроме «состояния под грехом» планировалось исследование «в естественном состоянии» и «в со-

стоянии под благодатью» (Феофан Затворник, 1995). В любом случае, мысль о соотношении такой психологии с сотериологией, спасением человека и его души остается стержневой для данного (со стороны богословия) подхода¹.

Нельзя сказать, что не было опреде-

В этом повороте следует особо отметить исследования смысловой сферы личности, ее мотивационно-ценностного содержания. Наконец, и главное, в профессиональной среде стали появляться психологи, сознательно формирующие понятийный аппарат, способный идти на сближение с началами христианской антропологии

ленного движения и внутри психологии советского периода (по крайней мере, могу свидетельствовать о семидесятых-восьмидесятых годах прошлого века). Хотя об употреблении в науке близких к христианскому подходу представлений, как упоминалось, прямой речи быть по-прежнему не могло, но в эти годы появился и возматерился общий интерес к исследованиям личности, индивидуальности. Это уже поворачивало психологов к проблемам внутреннего мира человека, который, в свою очередь, немалым без учета духовных и религиозных аспектов сознания. В этом повороте следует особо отметить исследования смысловой сферы личности, ее мотивационно-ценностного содержания. Наконец, и главное, в профессиональной среде стали появляться психологи, сознательно формирующие понятийный аппарат, способный идти на сближение с началами христианской антропологии (Т. А. Флоренская, Ф. Е. Василюк, В. И. Слободчиков, Б. С. Братусь и др.). «Перестройка» в этом плане (прав С.Л. Воробьев) создала условия для переведения этих предпосылок и возможностей в стадию первых реальных шагов.

Если определить условную точку отсчета этого движения (в Москве), то можно назвать апрель 1990 года. Именно в апреле в Московском университете проходят Ломоносовские чтения, в которых принимают участие ведущие

ученые всех факультетов. С определенного времени эти форумы стали предварять так называемые (в рабочем, разумеется, обиходе) «детские Ломоносовские чтения» – Всероссийскую студенческую конференцию. В рамках этой конференции на факультете психологии примерно с 1987 года сложилась традиция делать в один из последних ее вечеров

большой открытый семинар, посвященный какой-либо общей и значимой теме. Организовывать и вести эти семинары студенты просили меня. Помню очень удачные, с участием многих замечательных психологов семинары: «Вавилова и Лысенко как архетипы науки», «Сталинизм как социально-психологическое явление» с привлечением созданного тогда недавно общества «Мемориал» и др. В начале 1990-го года ко мне пришли студенты с просьбой об очередном общем «детско-ломоносовском» семинаре, но на этот раз тему предложили сами: «Психология и религия». Сказали и о том, что пригласили на этот семинар двух православных священников, примерно за десять лет до этого окончивших наш факультет, а затем уже перешедших в церковь (в те годы это всегда было достаточно драматическое деяние, требующее личного мужества и противопоставления советскому миру). Конечно, я сразу понял, кого они имели в виду – священников Бориса Ничипорова и Иоанна Вавилова. Семинар собрал полный зал, было много вопросов, выступлений и, по итогам, было решено в скором времени собраться вновь.

Так на факультете психологии Московского университета появился и стал регулярным семинар по христианской психологии и антропологии под руководством Б.В. Ничипорова, И.В. Вавилова и автора этих строк. На обсуждение с самого начала ставились вопросы не только психологии веры и религии,

¹ Святитель Феофан употреблял словосочетание «христианская психология». Впервые оно встречается у святителя Игнатия (Брэнчанинова) в 1860 году. Как замечает Ю.М. Зенько, термин «христианская психология» не есть какая-то необоснованная выдумка настоящего времени, изобретение современных психологов, заинтересовавшихся христианством, но обычное для православия выражение, которому уже более 150 лет (Зенько, 2000, 2009). Что касается круга проблем христианской психологии, затрагиваемых отечественными авторами до революции 1917 года, то в качестве примеров можно привести такие темы, как психология веры (Введенский, 1889), психология молитвы (Платонов, 1913), психология святости (Меньшиков, 1903), психология фанатизма (Чиж, 1905), психология атеизма (Владимирский, 1904) и др.

но самого широкого гуманитарного круга – от литературоведения, культурологии до психологии восприятия и психотерапии. Весьма широким и ярким был и состав участников – не только ведущие отечественные психологи (В.В. Давыдов, В.П. Зинченко, Л.А. Петровская, И.В. Равич-Щербо, К.Г. Сурнов, Т.А. Флоренская, А.Г. Асмолов, Ф.Е. Василюк, А.И. Донцов, Е.Н. Ениколопов, В.А. Иванников, А.Ф. Копьев, Н.Л. Мухелишвили, В.Ф. Петренко, В.А. Петровский, А.И. Подольский, В.А. Пономоренко, Е.Н. Проценко, А.А. Пузырей, В.В. Рубцов, В.И. Слободчиков, А.С. Спиваковская, В.В. Умрихин, В.Н. Цапкин, Е.И. Шлягина и др.), но и биологи, философы, историки, литературоведы (В.Л. Воейков, С.Л. Воробьев, А.Б. Зубов, А.Н. Кричевец, Б.Н. Любимов, В.Г. Мороз, В.С. Непомнящий, Л. Тайван, Ю.А. Шрейдер, Б.Г. Юдин и пр.) и, разумеется, священники, многие из которых являлись вы-

лись, продолжая (уже в кулуарах) обсуждение и разговоры. Зрелище получалось совершенно необыкновенное для недавней, да официально еще продолжающейся (до августа 1991) советской истории: по коридорам Московского университета ходили вперемешку священники, преподаватели, ученые, студенты – парами, группами, говорили, спорили на темы, которые еще недавно были под строгим запретом.

Скоро вокруг семинара образовался постоянный кружок – «актив», появилась группа интересующихся проблемой студентов (большую роль в консолидации последних сыграла старший преподаватель факультета Г.Н. Плахтиенко). Студенты стали помогать в проведении семинаров (обеспечение аудитории, стульев, столов, встреча докладчиков, организация чаепития после семинара и т.п.). Расходились окончательно из зда-

Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными)

пущниками Московского университета (Иоанн Вавилов, Артемий Владимиров, Владимир Кильчевский, Андрей Кураев, Валерий Ларичев, Андрей Лоргус, Борис Нечипоров, Владимир Мокренко и др.).

Практически все эти семинары проходили при переполненной аудитории, которую составляли не только студенты и преподаватели факультета психологии, но и (судя по спискам участников) представители многих других учреждений и институтов, словом, «вся Москва».

Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными)

Каждый семинар становился, действительно, событием, которого ждали, и которое не обманывало ожиданий. Началось действие в пять вечера и длилось (без перерыва) часа три, это включало основной доклад (или несколько докладов), вопросы, обсуждения, дискуссии, заключение ведущих. После семинара большинство участников не расходи-

ния на Моховой только перед закрытием факультета – часов в десять вечера.

Пишу это вовсе не ради лирических воспоминаний, а потому, что происходившее было важным показателем, можно сказать, критерием, индикатором действительной актуальности, внутренней необходимости появления данного события. Существенное в науке возникает вовсе не так, как это видится многим нынешним (впрочем, и прошлым и, боюсь, будущим) чиновникам от науки. Им

кажется, что с помощью ими же прикомандированных экспертов они могут определять (назначать) «приоритетные направления», которые снабжать затем (следующий повод для комбинаций) разной по уровню «материально-технической базой», премиями, грантами и т.п. Они же планируют сроки и формы

предстоящих результатов и открытий². На деле (надо ли это лишний раз говорить нашему просвещенному читателю) направления рождаются изнутри самой науки, ее внутренней логики развития и поиска истины. Науку, как свободное искусство (раньше, в некоторых классификациях, она в эту рубрику и входила), нельзя купить или продать, что, разумеется, не отрицает необходимость часто весьма дорогостоящей «материально-технической базы», заслуженно высоких зарплат и т.п. Замечательна формула, приписываемая академику Арцимовичу: «Наука есть осуществление собственного любопытства за государственный счет». Еще лучше у Пушкина: «... не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Первое – не покупаемое начало («священный огонь») не только свободной поэзии, но и свободной науки. И лишь как следствие первого может (риск неизбежен как при всякой свободе) появиться второе, относительно которого не грех и поторговаться (чего, кстати, как наглядно демонстрирует история, настоящий ученый или художник делать, как правило, решительно не умеют и своими, даже выдающимися результатами особого капитала не наживают).

Оглядываясь сейчас назад, видишь, что в тех семинарах (1990-1993) сошлись основные условия событийного явления: Время, Место, Люди, Действие. Начало девяностых при всех его сложностях, перегибах, промахах, безденежье стало «глотком свободы», откупориванием прежде закрытых возможностей и направлений (другое дело, что далеко не все из них оказались потом благоприятными). В психологии (в противовес прогнившему за годы «застоя» официальному Обществу психологов СССР) стали появляться все новые добровольные профессиональные объединения: Ассоциация практических психологов, Психоаналитическая ассоциация, Ассоциация гуманистической психологии и др. Была фактически снята цензура на зарубежную психологическую литературу, появились разнообразные переводные книги как классические, так и современные, стали приезжать западные ученые

² В известном некогда фильме Михаила Ромма «Девять дней одного года» герой с иронией читает в стенгазете физического института об объявлении открыть новую частицу непременно в ближайшем квартале и находит это заявление дурацким. Ныне «социалистические обязательства» подобного рода сменились «капиталистическими», что не меняет, однако, данной герою фильма оценки.

(причем поначалу звезды самой первой величины – Виктор Франкл, Карл Роджерс, Вирджиния Сатир и др.). К читателям возвращались запрещенные произведения художественной литературы, книги по философии, теологии, истории. Общество потянулось к Церкви, это было время необыкновенного подъема интереса к религии, к духовным традициям. В храмах образовывались, буквально, целые очереди людей, стремившихся принять крещение (что дало основание назвать это время «вторым крещением Руси»). Лекции священников собирали залы, а заезжие американские проповедники иногда – стадионы. Это, с позволения сказать, «ажитоажный спрос», конечно, должен был иссякнуть и наступить некоторое отрезвление, а затем откат и даже «мода» на отрицание всякой церковности, но семинары пришлось как раз на подъем этого пика.

Что касается Места, то оно (по субъективному мнению автора) лучшее из возможных в стране – Московский государственный (в прошлом императорский) университет³. Факультет психологии, где происходили семинары, находился на старой территории университета, в «центре центра», на Моховой улице, рядом с Кремлем⁴. И вот уже четверть тысячелетия развитие российской культуры и просвещения связано со стенами Московского университета.

Но главное – Люди. Семинары создали условия для встречи, знакомства и затем создания группы тех московских психологов, которые при всем научном разномыслии каждого были объединены общим желанием вернуть психологии душу и душе – психологию. Это была линия, непосредственно ведущая к осуществлению идеи христианской психологии. Но была и другая, может быть менее очевидная на первый взгляд, однако чрезвычайно важная – возвращение психологии в то переплетение

наук о человеке, в котором она пребывала (и даже могла занимать центральное место) во времена своего становления, поиска и обретения самостоятельного статуса. Напомним, что среди учредителей и активных участников первого

Семинары создали условия для встречи, знакомства и затем создания группы тех московских психологов, которые при всем научном разномыслии каждого были объединены общим желанием вернуть психологии душу и душе – психологию

в России и одного из первых в мире Психологического общества, созданного при Императорском Московском университете (1885) были и философы, и биологи, и врачи, и антропологи, и литераторы, и математики, причем, часто звезды первой величины. Заседания общества становились событиями, имена выступавших, последующие дискуссии и обсуждения привлекали образованную публику со всей Москвы. Среди них были и видные писатели, поэты: достаточно назвать Афанасия Фета или Льва Толстого, который на двух заседаниях (в одно не уложились) выступал с докладами о смысле жизни. Последним председателем общества перед его разгоном

Наука и религия за годы советской власти обрели статус антиподов, причем, религия прочно ассоциировалась с невежеством, темнотой, мракобесием, злым гонением в истории на разум и образование

был известный философ Иван Ильин – один из тех, кого советская власть выслала из страны в 1922 году на печальном известном «философском пароходе» (Ждан, 1995). Рискну сказать, что наши семинары, разумеется, в очень скромном отношении, пусть не возвращали, но, по крайней мере, отдаленно напоминали об этой порушенной на долгие десятилетия традиции заинтересованного и свободного общения представителей разных университетских (прежде всего, конечно, гуманитарных) специальностей вокруг психологии.

Еще один момент, который надо отметить. Наука и религия за годы советской власти обрели статус антиподов, причем, религия прочно ассоциировалась с невежеством, темнотой, мракобесием, злым гонением в истории на

разум и образование. Одним из главных (по высказываниям некоторых – «ошеломляющих») впечатлений многих рядовых участников было то, что «церковники», которых они видели, оказались не темными и околтелыми, а образованными, умными, яркими людьми. Они убедительно говорили, спорили, приводили веские аргументы, шутили, смеялись, наконец, а не просто отстраненно «вещали» незбылемые истины в последней инстанции.

Крайне важным было и то, что крупные светские ученые, принимавшие участие в семинаре, отнюдь не чурались тех, кого согласно многолетней массивированной пропаганде следовало

относить к «церковным мракобесам», а находили с ними общий язык, приветствовали, и многие не скрывали при этом своей веры в Бога. Но и в тех случаях, когда эта вера не проявлялась или даже налицо был подчеркнутый нейтралитет, само участие звезд науки в семинаре по христианской антропологии и психологии было в то время значимым и говорящим само за себя⁵. Уже много (более двадцати) лет спустя я встретился с одним московским священником, который рассказал, что он студентом

³ Это Место в этом Времени оказалось ключевым (тусковым) и для создания в стране нового типа высших учебных заведений, где наряду с дипломами государственного образца (педагогика, юриспруденция, экономика, история, филология) учащиеся получали солидную теологическую подготовку. Так, Свято-Тихоновский православный гуманитарный институт (затем – университет) начался с Катехизических курсов, помещения для которых были безвозмездно предоставлены в гуманитарных корпусах МГУ его Ректором – академиком В.А. Садовничим. В это время появляется в Москве и Православный институт святого Иоанна Богослова.

⁴ Где-нибудь в позапрошлом веке в частном письме приятелю местоположение можно было бы описать примерно так: «Найди угол Тверской и Моховой, где площади начало Манежной, а сутротив Иверские ворота и наискосок Александровский сад Кремля, малую толику иди по Моховой. Как пройдешь первое здание Университета, повороти сразу во двор и там чуток вглубь и направо...».

⁵ Хотя не обходилось и без некоторых курьезов. Например, крупнейший психолог и методолог Владимир Петрович Зинченко охотно согласился выступить на одном из семинаров с докладом, но потом (со свойственной только ему мягкой иронией в голосе) жаловался автору: «Понимаете, выхожу я на трибуну, вдруг весь зал встает, смотрит на меня и начинает креститься. Я опешил в недоумении, хорошо, догадался оглянуться и увидел, что прямо за мной висит икона. Ну, так же нельзя, вы бы хоть предупреджали...».

одного из вузов, только начавшим интересоваться религией, случайно попал на этот семинар и был поражен тем, что «такие люди» оказываются верующими, значит, в вере есть что-то даже для них притягательное и незаменимое. Это, как он признался, оказалось тогда толчком, знаком на пути к Храму.

Теперь о Действии. Организация семинаров, их ритма, содержания, атмосферы требовала постоянных целенаправленных усилий (помню: полмесяца готовимся к очередному семинару, полмесяца от него отходим). Для того, чтобы все не ограничилось лишь вспышкой интереса, необходимы были все новые шаги и действия, успех которых, в свою очередь, зависел от пересечения Времени, Места и Людей.

В 1991-1992 гг. Академия педагогических наук СССР после буквально шквала общественной критики (в большинстве вполне справедливой) была преобразована в Российскую Академию образования. Вскоре Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР (НИИОППАН СССР) был переименован в Психологический институт Российской академии образования (ПИ-РАО). Директором института (который до революции был построен для Императорского Московского университета на средства С.И. Щукина и назывался Психологическим институтом имени Л.Г. Щукиной), был назначен академик В.В. Рубцов. Побывав на одном из заседаний семинара, он щедро предложил автору этих строк создать при институте первую за всю историю страны лабораторию христианской психологии.

Однако именно так назвать лабораторию В.В. Рубцову в Президиуме РАО

категорически не разрешили (настороженность оставалась, откат интереса уже намечался) и после сложных переговоров сошлись на таком, предложенном мной названии – лаборатория философско-психологических основ развития человека. Название, в общем-то, достаточно приемлемое, ибо осуществление «проекта» христианской психологии прямо подразумевало рассмотрение и анализ исходных философско-психологических проблем развития человека. Однако за все время существования лаборатории это название никто из коллег (и даже сотрудников самой лаборатории) толком не выучил и затруднялся точно воспроизвести. Обычно ограничивались для ее обозначения либо именем заведующего, либо первоначально задуманным, но отвергнутым начальством именованием «христианской психологии» – так или иначе все понимали, что в действительности являлось здесь предметом исследования.

Лаборатории предоставили комнату, в которой многие годы до того находился партком института, что, согласитесь, само по себе уже выглядело весьма символично. Комната располагалась на третьем этаже и выходила окнами на заставленный со всех сторон случайными постройками остов церкви в стиле «нарышкинского барокко», окруженный (лучше сказать – плененный) рабочей территорией какого-то номенклатурного гаража с мастерскими и подсобками. При всей разности уровней задач и то, и другое (храм и христианская психология) нуждались в вызволении из-под завалов (глыб) советского наследия, восстановлении и новой жизни.

Помню, с какой неохотой передавал мне ключи бывший партийный секретарь института, как я первый раз вошел вместе с ним в пропитанное пылью и ка-

ким-то тягостным духом, сплошь заставленное шкапами с папками партийных и профсоюзных бумаг тесное помещение. Секретарь не без скрытого пафоса объявил, что здесь хранится красное знамя института, указав на высокий холщевый чехол, стоявший в углу. Чехол показался мне каким-то пустоватым и хорошо, что я сразу пощупал его рукой и обнаружил, что знамени там нет – одно древко, о чем и сказал сразу секретарю, дабы не быть позже заподозренным в пропаже. «Сперли уже», – обескуражено и с досадой проворчал секретарь. Констатировав тем самым, что символ верности института делу партии – большое плюшевое знамя с золотыми кистями, портретом Ленина посередине и каким-нибудь лозунгом относительно неизбежной победы коммунизма во всем мире кто-то предприимчивый взял (выкрал) и продал, наверное, сувенирщикам на Арбате. Там в изобилии распродавались в то безденежное и голодное время для многих атрибуты уходящей эпохи, включая знамена и ордена.

По своему штатному расписанию лаборатория была крошечной: кроме ставки лаборанта, ее составляли полторы научные ставки, разбитые по половинкам, и половина ставки заведующего, которые заняли священник Борис Ничипоров⁶, С.Л. Воробьев, В.В. Умрихин и, в качестве заведующего, автор этих строк. Лаборантом (единственная полная ставка) была В.С. Чернякова.

С возникновением лаборатории образовался уже другой – внутренний, узкий, постоянно действующий рабочий семинар по проблемам становления христианской психологии. В нем, кроме сотрудников, принимали деятельное участие Т.А. Флоренская, Ю.А. Шрейдер, священник Иоанн Вавилов, Ф.Е. Василюк, В.Л. Воейков, В.К. Загвоздкин, А.Б. Зубов,

⁶ Это был первый тогда православный священник, настоятель сельского прихода, официально взятый на работу в светское (еще недавно советское) научно-исследовательское психологическое учреждение. О том, насколько это было новым, неожиданным и для многих тревожным фактом, свидетельствует следующая, прошедшая тогда по институту слух, будто «наняли пона, которого посадят около лестницы и он будет крестить всех входящих». Позже о. Борис был приглашен тогдашним директором Института педагогических инноваций РАО, профессором В.И. Слободчиковым на должность заведующего Лабораторией духовно-культурных основ образования. Он перешел на работу в Институт педагогических инноваций, его интересы стали все более смещаться в сторону педагогики, педагогической психологии, духовного воспитания. Там он со временем смог добиться выдающихся успехов, основав в Тверской области крупный учебно-воспитательный центр «Новая Корчева», получивший всероссийскую известность. Жизнь и подвижническая деятельность протоиерея Бориса Ничипорова, кандидата психологических наук, Заслуженного учителя России, оборвалась в декабре 2003 года, ему было тогда всего пятьдесят лет ... Помню его еще студентом факультета психологии МГУ, общение по поводу первых курсовых (я был их научным руководителем, диплом и кандидатскую он писал уже под руководством Б.В. Зейгарник), его искренность, жажду познания, заразительный смех, умение общаться (особенно с детьми), его всегда смелые планы, столь многие из которых свершились. Вечная память!

⁷ Некоторые из этих статей были опубликованы тогда в журнале «Человек» Российской Академии наук (председатель редколлегии Б.Г. Юдин), пройдя перед этим высокопрофессиональную (но при этом весьма жесткую и нелицеприятную) редактуру члена редколлегии журнала и старшего научного сотрудника Лаборатории С.Л. Воробьева.

Н.Н. Мухелишвили, Е.Н. Проценко, В.И. Слободчиков и др. В Лаборатории обсуждались возможные подходы и концепции, содержание только что подготовленных первых статей по христиански ориентированной психологии⁷.

Важным Действием в этот период стала работа со студентами, которые, как упоминалось, появились, выявились, консолидировались вокруг семинаров по христианской психологии и антропологии на факультете психологии МГУ в начале девяностых. Решено было открыть, или, говоря принятым тогда жаргоном – «пробить» (ибо это требовало немалых усилий и согласований) новое направление (вариант) специализации в рамках кафедры общей психологии. Назвали направление – «психология религии» (непосредственно «христианская психология» категорически не прошла), но, так же как в случае с лабораторией, реальная суть и название превалировали в сознании, разговорах и обсуждениях коллег, студентов и, думаю, администрации.

Для студентов этой группы прямо по ходу учебного процесса были созданы некоторые отдельные от общего потока лекционные курсы, семинарские и практические занятия, конференции, выездные школы (самая памятная была организована о. Борисом Ничипоровым в палаточном лагере у стен Оптиной пустыни). В учебных занятиях (фактически безвозмездно) участвовали Т.А. Флоренская, о. Борис Ничипоров, о. Иоанн Вавилов, Ф.Е. Василюк, А.Б. Зубов, Е.Н. Проценко, В.И. Слободчиков, В.В. Умрихин, А.Г. Шкуропат, Б.С. Братусь и др. Непосредственным курированием студенческой учебы и жизни группы «Пси-

хология религии» заботливо занималась Г.Н. Плахтиенко.

Для того, чтобы конституировать новое научное направление, мало было отдельных статей, выступлений, обсуждений, семинаров (широких и узких), мало было даже начала работы лаборатории и успешного опыта новой учебной специализации. Нужна была книга, способная (пусть в первом приближении) представить не отдельные мнения и акценты, но некую относительно единую на то время позицию, к которой могла бы отнестись научно-психологическая общественность с учетом, в данном случае, и философско-теологической стороны. Для того, чтобы удостоиться серьезного научного критического обсуждения, конечно, надо было его заслужить, а значит сделать нечто действительно стоящее и заметное на фоне новых подходов и книг.

Мы понимали, однако, что появление в краткий срок такой книги на новом (если не сказать – пустом) для тогдашней отечественной науки месте, а тем более, скорое издание ее в условиях нищенского финансирования образования и науки, является делом крайне маловероятным. И здесь надо добрым словом вспомнить академика В.П. Зинченко (1931-2014), который, став тогда одним из ответственных руководителей по психологии в Международном фонде «Культурная Инициатива», содействовал моему (а значит и моей лаборатории) участию в конкурсе «Гуманитарное образование в высшей школе». При этом наш энтузиазм по отношению к христианской психологии (порой, наверное, с неопитскими переклестами) он не разделял, удерживая известную

толику скепсиса и свойственной ему иронической дистанции, но как настоящий ученый, хорошо знавший многих из нас, оценивал и авансировал прежде всего научный потенциал, предоставляя в сложных тогдашних условиях ценную возможность его реализации⁸.

Так или иначе, развернутая заявка была написана, участвовала в конкурсе на новые учебные пособия для гуманитарного образования в российской высшей школе и вошла в число победителей (уверен – не без деятельной поддержки самого В.П. Зинченко⁹). Так мы получили обеспечение для написания и, главное, издания первого в России учебного пособия для вузов «Введение в христианскую психологию». Незадолго до выхода в свет, название, однако, пришлось срочно изменить: вместо «Введения в христианскую психологию» – «Начала христианской психологии».

Необходимость изменения была вызвана тем, что в 1994 году в издательстве «Школа-Пресс» вышла книга Б.В. Ничипорова, на титуле которой стояло наше название – «Введение в христианскую психологию». Аннотация поясняла, что «книга о. Бориса (Ничипорова) – православного священника, психолога, общественного деятеля посвящена задачам духовного просвещения и воспитания человека. Мистика родной земли, таинство семьи и дома, грех и покаяние, духовный мир и смысл жизни – проблемы, приобретшие в наше время особую остроту, становятся предметом проникновенных размышлений автора. Основанная на пасторском и педагогическом опыте о. Бориса, данная книга будет полезным пособием всем тем, кто занимается духовным строительством и возрождением личности человека» (Нечипоров, 1994).

⁸ *О личных качествах В.П. Зинченко его друг и коллега В.П. Мунипов писал: «Мощный и острый ум, помноженный на творческое воображение и неисчерпаемую энергию, в сочетании с чувством юмора... Он прямой, смелый и надежный человек, с которым радостно работать и дружить... Непорядочным людям высказывает свое мнение в лицо, так что они его избегают. Его высочайший профессионализм в сочетании с указанными чертами личности зачастую приводит к тому, что его боятся приглашать на работу в организации психологического профиля. Зинченко не лишен недостатков, они у него так сложно вплетаются в положительные черты, что их трудно расчлнить. Зинченко без недостатков, убежден я, – не будет Зинченко, которого все знают... Независимый и свободный человек» (Мунипов, 2013, С. 165, 174). Основываясь на своем опыте общения с В.П. Зинченко, полностью согласуюсь с этой характеристикой. Добавлю лишь, что после смерти В.В. Давыдова (1930-1998) внутренне стал считать В.П. Зинченко «психологом номер один» среди живущих в России по неформальному (а значит никем официально не утвержденному) «табелю о рангах» или по «гамбургскому счету». Хорошо, что успел сказать это несколько раз публично на разных собраниях и самому Владимиру Петровичу при его жизни.*

⁹ *В очерке «Слове о Сергее Леонидовиче Рубинштейне» В.П. Зинченко, в частности, писал: «Когда Институт «Открытое общество» (Фонд Дж. Сороса) доверил мне заказать новое пополнение учебников по психологии, я назвал около 30 авторов. Среди них: Г.М. Андреева, Б.С. Братусь, А.И. Донцов, В.П. Зинченко, В.М. Мунипов, В.С. Мухина, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский». И далее, в двух фразах следовал типичный зинченковский поворот, возвращающий к теме очерка – глубине и эрудиции Рубинштейна, его умению создавать фундаментальные учебники, но делающий это неожиданно, колко, с иронией, со «щепоткой соли» по отношению к перечисленным им профессорам и академиком, среди которых (обратите внимание) и он сам: «На резонный вопрос, почему так много, я ответил, что если бы был жив С.Л. Рубинштейн, я назвал бы его одного. Сейчас, когда почти все заказанные книги изданы, могу сказать, что отвечая так, я не ошибся» (Зинченко, 2011, С. 287).*

Сам о. Борис позже так объяснил мне в личном разговоре выход своей книги именно под таким названием. Он предложил для издательства некоторые свои статьи, проповеди, эссе, объединив их под простым и совершенно точным в данном случае названием «Размышления священника-психолога». Однако издательство, специализировавшееся на литературе учебного характера, предложило добавить педагогический подзаголовок «Введение в христианскую психологию». Но потом и этого оказалось недостаточно, и редакция настояла поменять местами заголовки и подзаголовки (спутав, тем самым, предмет и контекст). Так «введение» оказалось титулом, а «размышления» ушли в пояснение (Ничипоров, 1994). Так или иначе, чтобы не плодить сущности, пришлось срочно менять заявленное ранее название нашего повсюду готовившегося к печати коллективного труда (Начала..., 1995).

Надо признать, что весьма нереальными выглядели и сроки выполнения работы, и поставленная задача: представить серьезное пособие для вузов по области, которая фактически научно не определена, по которой нет современных отечественных исследований и устоявшихся обобщений. По сути, принять (напроситься на этот) вызов было большим дерзновением и риском. Неслучайно, некоторые из участников рабочих семинаров лаборатории высказывали свои сомнения относительно возможности и необходимости таких темпов. Один из них, например, считал, что прежде «начал» христианской психологии надо найти все ее «концы» – изучить, кому конкретно книга будет предназначаться, кто ее будет читать,

нужна она в таком виде или в другом и т.п. А поскольку об этом нельзя точно сказать прямо сейчас, то до выяснения всех обстоятельств дело написания нужно отложить на неопределенный срок, занявшись вышеназванными вопросами и ожидая результатов соответствующих наблюдений, опросов, проверок.

Не вдаваясь в детали этой прошлой рабочей полемики, скажу лишь, оглядываясь через двадцатилетие, что, если бы тогда мы предались неспешному выжиданию, выискиванию «концов» еще не появившихся «начал», если бы прошли стороной мимо чудесного, дарованного нам стечения Места, Времени, Действия и Людей, то христианская психология как отрасль науки, вероятно, до сих пор оставалась бы «проектом» – упущенной потенциальной возможностью, мелькнувшей вспышкой интереса, но не реальностью, пусть до сих пор во многом недостаточной и уязвимой.

За подъемом внимания к религии последовал, как и полагается, некоторый спад, отношение в обществе к церкви и ко всему, что могло с ней ассоциироваться, стало меняться. Общественность и администрация факультета, поначалу несколько ошеломленные бурной семинарской деятельностью и потому, видимо, не очень понимавшие, как на нее следует реагировать (тем более при отсутствии ясных указаний «сверху»), стали постепенно проявлять сначала скрытое (на уровне слухов, сплетен, обсуждений¹⁰), а затем и открытое недовольство. Начались шаги по отчуждению семинара от факультета. Например, появилось мнение, что поскольку

его содержание не всегда касается только академической психологии, не всегда направлено на факультетский учебный и научный процесс и среди участников слишком много людей «со стороны», не числящихся в сотрудниках факультета психологии, то семинар в значительной степени – «чужой», «посторонний». Поэтому, пусть его организаторы арендуют помещение (за соответствующие деньги, разумеется – на дворе ведь заря капитализма) у администрации факультета. Мнение, вполне согласующееся с тогдашним духом «дикого» предпринимательства, но совершенно не согласующееся с духом Московского университета как просветительского учреждения, всегда обращенного в мир, а вовсе не замкнутого в своих стенах¹¹.

Чтобы подчеркнуть важность семинара именно для факультета и тем самым отвести предложения об «аренде», на плакатах, извещающих об очередном семинаре, с полного согласия Научного студенческого общества (НСО) факультета появилось с тех пор упоминание об НСО как об одном из организаторов (плакаты, к слову, стали часто срывать кем-то со стенда, а однажды были изрезаны бритвой в клочки).

Наконец, в эту, уже вполне готовую к реагированию среду, поступил «сигнал сверху». Из ректората в Ученый совет пришло письмо о недопустимости вторжения разного рода деструктивных культов в университет, в качестве примера приводился один из факультетов, где сдавались (капитализм проклятый) комнаты секте Муна. В связи с этим ректорат напоминал о соблюдении принципа светскости образования и недопустимости сдачи в аренду религиозным ор-

¹⁰ Одни, например, утверждали (несмотря на семинары о Пушкине, об истории, о театре, о психологии развития личности, о воспитании, о психотерапии и т.п.), будто «там» идет речь только о «пропаганде религии». Другие, их было большинство, избегая каких-либо утверждений, ограничивались постоянным (сказал бы даже – навязчивым) вопрошанием (обращенным, в том числе, и к автору этих строк): «Нет, ну, скажите, а что же там все-таки происходит?» Судя по тону, доверительной приглушенности голоса, смеси любопытства и тревоги в глазах вопрошающих, явно подразумевалось, что происходит нечто весьма странное и неладное, требующее именно от вас специальных конфиденциальных разъяснений. Но, сколько бы вы не разъясняли, тревожность и лоботыпство не угасали и вопрос повторялся при каждой встрече вновь и вновь. И почему-то в голову им не приходило (и нельзя было вложить), что разъяснить все свои сомнения и ответить на вопрос: «Что там все-таки происходит?» совсем несложно – надо просто в назначенный для Семинара час (лучше заранее, а то не пробьешься сквозь толпу у дверей) прийти в соответствующую аудиторию, чтобы услышать все самому, составив свое (положительное, отрицательное – какое угодно) мнение. Рискну предположить, что причину избегания столь простого решения надо было искать отнюдь не в мыслительной деятельности (всегда заведомо высокого качества) коллег, а в их личностной сфере, тех личностных заслонках и фильтрах, что оттесняли, не допускали эти решение и его реализацию, ощущая в нем (осознанно или, скорее, неосознанно) некую потенциальную угрозу своей безопасности (выход из позиции лоботыпствующего, по стороннего наблюдателя в позицию ответственного личностного отношения). Советская власть (что только-только прекратилась, перекрасилась) хорошо сформировала (сформировала) негласную (но постоянно и жестко подкрепляемую) установку – «быть как все», «не высываться», не искать, а, тем более, не выражать свое мнение, отличное от общеустановленного, чтобы «не засветиться». Конечно, в данном случае опасаться было вроде как уже нечего. Ну, а вдруг ...

¹¹ Посмотрите хотя бы на крупнейшие московские общедоступные музеи – Исторический, Политехнический, Изобразительных искусств и другие. Все они выросли из соответствующих кабинетов и аудиторий Московского императорского университета, благодаря подвижническому труду его профессоров. Вспомним и знаменитые Публичные лекции и чтения профессоров университета, собиравшие «всю Москву». Университет всегда был (должен был быть) открыт для Образования и Просвещения всех, а не только своих сотрудников и студентов.

ганизациям своих аудиторий. Некоторые члены Ученого совета, заслушав это письмо, стали наперебой говорить о такой же опасности на факультете психологии и о необходимости в связи с этим разобраться с «деятельностью Братуся», что и было официально поручено кафедре общей психологии, где он (Братусь) состоял ординарным профессором. Кафедра в ответ на это поручение создала специальную комиссию, которой было поручено всестороннее рассмотрение и подготовка решения. Далее – комиссия на заседании кафедры ознакомила с выводами своего изыскания и предложила проект резолюции, в котором говорилось, что никакие помещения кафедры деструктивным культам не сдаются, что запрещенная пропаганда религии не ведется, и что деятельность профессора кафедры Б.С. Братуся по просвещению и воспитанию студентов заслуживает всякого одобрения. Проект решения на заседании кафедры был обсужден, единогласно принят и соответствующая резолюция отправлена в Ученый совет (спасибо кафедре).

Однако продолжать семинары в прежнем масштабе становилось все более затруднительным. Происходящее касалось и направления специализации «психология религии»: набранная из студентов разных курсов в 1993 году группа (около 20 человек) после трех лет существования, когда были защищены уже последние дипломы, закончила свою деятельность.

Но все это было, признаться, уже запоздалыми мерами по отношению к христианской психологии (арьергардные бои), поскольку главное для ее начала было уже сделано, просто менялось Время и Место, приводя новых Людей и требуя нового Действия. Центр тяжести смещался с факультета психологии МГУ в Психологический институт РАО – в крошечную лабораторию с громоздким названием «Лаборатория философско-психологических основ развития человека». В институт был перенесен с факультета психологии и большой публичный семинар, вернее, его новая ступень, серия. Эти семинары в соответствии с Местом были названы «Челпановскими чтениями» – по имени од-

ного из основателей отечественной психологической науки и первого директора Психологического института – Георгия Ивановича Челпанова (1862-1936).

«Челпановские чтения» или, как их еще называли в печати, «Философско-психологические семинары памяти Г.И. Челпанова» были, конечно, не просто следствием необходимости механического переноса семинара с факультета. Придя, пусть и на полставки, совместителями в созданную специально для нас лабораторию, размещенную на третьем этаже исторического особняка в глубине университетского двора (в комнате, как уже знает читатель, бывшего парткома), мы подумали: чем отблагодарить институт, его директора В.В. Рубцова за эту щедрую и столь необходимую в тот момент возможность. Ответ пришел быстро – общими для славного института семинарами, используя накопленный опыт и круг участников семинаров по христианской психологии и антропологии на факультете психологии МГУ.

Название («Челпановские чтения») пришло сразу, тематика была скорректирована в сторону философии психологии или, согласно названию лаборатории, в сторону «философско-психологических основ развития человека». Это тема была чрезвычайно близкой и тому времени, когда появился Институт (1912-1914), и самому Челпанову, считавшему, что «конечные ключи от психологии лежат в философии» (Челпанов, 1914). Главенствующим оставался принцип широты подхода, включения психологии в культурно-исторический контекст, приглашение видных ученых из других областей. Оставалась в фокусе и христианская тема, в частности, впервые состоялось публичное обсуждение только что вышедших «Начал христианской психологии», длившееся пять часов подряд.

В связи с «Чтениями» справедливо упомянуть еще об одном деятеле в том Времени и Месте. Это был опытный московский журналист Владимир Ильич Левин¹². Перейдя тогда из научно-популярного журнала «Знание – сила» в журнал Академии наук «Человек», он предложил своей новой редакции под-

готавливать для каждого номера (шесть выпусков в год) стенографические отчеты по семинарам «Челпановских чтений». Это предложение было принято и одобрено главным редактором Б.Г. Юдиным, директором Психологического института РАО В.В. Рубцовым и мной, как заведующим лабораторией и постоянным ведущим «Чтений». Составление подобных текстов, которые были бы и объективны, и, одновременно, понятны и увлекательны не только узким специалистам, но и вообще интеллигентной публике – особый талант, которым Левин обладал в полной мере. В результате этой работы (в которой посильное участие принимала вся лаборатория) появился уникальный, доступный широкому кругу материал, фиксирующий живое движение научного процесса, само рождение тех или иных мыслей и положений. Так что, если у кого-то возникнет теперь вопрос: «Что же там все-таки происходило?», он может обратиться к номерам «Человека» и услышать (пусть в письменном изложении) речи и споры многих ведущих ученых конца двадцатого века, некоторых из которых, увы, уже нет с нами (Вектор взаимодействия, 1995; Культура незаочного ... , 1995; Ценности, смыслы ... , 1995; Психология личности ... , 1995; Зов бытия ... , 1996).

Подводя итог девяностым, Ю.М. Зенько в качестве основных вех становления христианской психологии в России называет уже знакомые читателю семинары, специализацию по психологии религии (а реально – по христианской психологии), деятельность лаборатории Психологического института РАО и др. (Зенько, 2009). Необходимо специально отметить также деятельность ряда подразделений Института педагогических инноваций РАО (директор профессор В.И. Слободчиков), начавших разработку практических вопросов христианской педагогики и психологии. В 1995 году в Москве прошла I Международная конференция «Психология и христианство: путь интеграции», вышел сборник материалов конференции под редакцией А.В. Махнача. В 1997 году состоялась следующая Международная конференция под этим же названием, но уже

¹² *Окружающие, да и он сам, нередко шутили (подшучивали) по поводу того, что по имени и отчеству он был полным тезкой вождя мирового пролетариата, а фамилия отличалась всего одной буквойкой – «в» вместо «н».*

в Петербурге, соответствующий сборник материалов вышел в издательстве «Иматон». В начале 1996 года в Москве при Православном центре «Животворный источник» появилась психологическая служба, организованная И.Н. Мошковой (при участии А.Ф. Копьева). Год спустя на основе методологии христианской психологии стала строиться консультативная служба под руководством А.В. Шувалова. В 2002 году трудами священника Андрея Лоргуса при Православном Институте Св. Иоанна Богослова открывается факультет психологии. Крайне значимой была инициатива профессора Ф.Е. Василюка, который представил целый номер редактируемого им Москов-

ского психотерапевтического журнала (1997, № 4) под публикации по христианской психологии (с 2003 года эти выпуски стали ежегодными). Христианские психологи, богословы получили возможность регулярно печатать свои статьи, обмениваться мнениями, дискутировать. Речь шла при этом не только о Московской школе христианской психологии, авторами стали представители многих городов, а также зарубежные коллеги. Отдельного рассмотрения в будущем, безусловно, заслуживает петербургская линия, в становлении которой особую роль сыграл выпускник факультета психологии Санкт-Петербургского университета, кандидат психологиче-

ских наук, протоиерей Владимир Цветков. В начале девяностых годов прошлого века он инициировал создание Общества православной культуры имени Святого Игнатия (Брянчанинова). Из семинара по христианскому символизму, который в рамках Общества вел о. Владимир, выделилась секция православных психологов, возглавляемая профессором Л.Ф. Шеховцовой. Важные исследования были инициированы петербургскими профессорами В.В. Семейкиным, В.Х. Манеровым и др. Новое движение стало постепенно набирать ход.

При поддержке проекта «Вера как общепсихологическая категория»

РГНФ 13-06-00590

Литература:

- Ананьев Б.Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / Б.Г. Ананьев. – Москва, 1947.
- Братусь Б.С. Христианская психология как новое движение в России / Б.С. Братусь // Психология и христианство. – Москва, 1995.
- Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология / Б.С. Братусь. – Москва, 2000.
- Братусь Б.С. Проблема человека в психологии / Б.С. Братусь. – Вопросы психологии. – 1997. – № 5.
- Братусь Б.С. Психологический институт как замысел Г.И. Челпанова // Вестник Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. – 1999. – № 4.
- Вектор взаимодействия (Опыт возрождения Челпановских чтений) // Человек. – № 2. – 1995.
- Введенский А.И. Психология веры / А.И. Введенский. –Сергиев Пасад, 1899.
- Владимирский Ф. Психология атеизма / Ф. Владимирский. – Почаев, 1904.
- Воробьев С.Л. Онтологические образы психологии. Начала христианской психологии / С.Л. Воробьев ; отв. ред. Б.С. Братусь, науч. ред. С.Л. Воробьев. – Москва. – 1995. – С. 85.
- Ждан А.Н. Московское психологическое общество (1885-1922) / А.Н. Ждан // Вопросы психологии. – 1995. – № 5.
- Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности / А.Н. Ждан. – Москва, 1997.
- Зенько Ю.М. Трехвековой диалог психологии и религии в России / Ю.М. Зенько // Христианское чтение. – 2000. – № 19.
- Зенько Ю.М. Психология религии. – 2-е изд.6 испр. и доп. / Ю.М. Зенько. – Санкт-Петербург, 2009.
- Зинченко В.П. Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне / В.П. Зинченко // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. – Москва, 2011. – С. 287.
- Зов бытия : философско-психологический семинар (памяти Челпанова) // Человек. – 1996. – № 2, 3.
- Меньшиков М. Психология святости / М. Меньшиков. – Новое время. – 1903. – № 3.
- Культура незаочного постижения : философско-психологический семинар памяти Г.И. Челпанова // Человек. – 1995. – № 3.
- Мунипов В.П. От психотехники к инженерной психологии / В.П. Мунипов // Стиль мышления: проблемы исторического единства научного знания. – Москва, 2011. – С. 165, 174.
- Начала христианской психологии : учеб. пособие / отв. ред. Б.С. Братусь ; научн. ред. С.Л. Воробьев. – Москва : Наука, 1995.
- Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию : размышления священника-психолога / Б.В. Ничипоров ; ред.-сост. В.Г. Щур. – Москва, 1994. – Вселенная духа.
- Платонов В. Психология молитвы / Вениамин Платонов. – Санкт-Петербург, 1913.
- Психология личности: новые подходы : философско-психологический семинар (памяти Г.И. Челпанова) // Человек. – 1995. – № 6.
- Феофан Затворник, свт. Собрание писем. Вып. 7. – Москва, 1995. – С. 215.
- Христианская антропология и психология в лицах. Основные авторы и работы с древнехристианского периода по настоящее время : библиограф. справочник / сост. и ред. Ю.М. Зенько. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург, 2010.
- Ценности, смыслы, поступки : философско-психологический семинар (памяти Г.И. Челпанова) // Человек. – 1995. – № 4.
- Челпанов Г.И. Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете / Г.И. Челпанов. – Москва, 1914.
- Чиж В.Ф. Психология фанатизма / В.Ф. Чиж // Вопросы философии и психологии. – 1905. – № 1, 2.

References:

- Ananiev, B.G. (1947) Ocherki istorii russkoy psikhologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries]. Moscow.
- Bratus, B.S. (1995) Khristianskaya psikhologiya kak novoe dvizhenie v Rossii [Christian psychology as a new movement in Russia]. *Psikhologiya i khristianstvo [Psychology and Christianity]*. Moscow.

- Bratus, B.S. (2000) Russkaja, sovjetskaja, rossijskaja psihologija [Russian, Soviet, Russian psychology]. Moscow.
- Bratus, B.S. (1997) Problema cheloveka v psihologii [The problem of person in psychology]. *Voprosy psihologii [Issues of psychology]*. 5.
- Bratus, B.S. (1999) Psikhologicheskij institut kak zamysel G.I. Chelpanova [Psychological Institute as G.I. Chelpanov's plan]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 14. Psychology*. 4.
- (Ed.) Bratus, B.S. (1995) *Nachala khristianskoj psihologii: uchebnot posobie [The beginning of the Christian psychology: Textbook]*. Moscow, Nauka.
- Chelpanov, G.I. (1914) Psikhologicheskij institut imeni L.G. Shchukinoy pri Imperatorskom Moskovskom universitete [Schukina Psychological Institute at the Imperial Moscow University]. Moscow.
- Chizh, V.F. (1905) Psikhologiya fanatizma [The psychology of fanaticism]. *Voprosy filosofii i psihologii [Issues of Philosophy and Psychology]*. 1, 2.
- Menshikov, M. (1903) Psikhologiya svyatosti [Psychology of holiness]. *Novoe vremya*. 3.
- (1995) Kul'tura nezaochnogo postizheniya: filosofsko-psikhologicheskij seminar pamyati G.I. Chelpanova [Culture of direct comprehension: philosophical and psychological seminar in memory of G.I. Chelpanov]. *Chelovek [Person]*. 3.
- Munipov, V.P. (2011) Ot psikhotehniki k inzhenernoj psihologii [From psychotechnics to engineering psychology]. *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]*. Moscow, 165, 174.
- Nichporov, B.V. (1994) Vvedenie v khristianskuyu psihologiyu: razmyshleniya svyashchennika-psikhologa [Introduction to the Christian psychology: Reflections of the priest-psychologist]. Moscow, Vselennaya duha.
- Platonov, V.P. (1913) Psikhologiya molitvy [Psychology of prayer]. Sankt Petersburg.
- (1995) Psikhologiya lichnosti: novye podkhody: filosofsko-psikhologicheskij seminar (pamyati G.I. Chelpanova) [Personality Psychology: new approaches: philosophical and psychological seminar (in memory of Chelpanov G.I.)]. *Chelovek [Person]*. 6.
- Theophane, the Recluse (1995) Svyatoe Sobranie pisem [St. Collection of letters]. Vol. 7, Moscow, 215.
- (1995) Tsennosti, smysly, postupki: filosofsko-psikhologicheskij seminar (pamyati G.I. Chelpanova) [Values, meanings, and actions: the philosophical and psychological seminar (in memory of Chelpanov G.I.)]. *Chelovek [Person]*. 4.
- Vektor vzaimodeystviya (Opyt vozrozhdeniya Chelpanovskikh chteniy) (1995) [The vector of interaction (experience renewing Chelpanovskie readings)]. *Chelovek [Person]*. 2.
- Vvedenskiy, A.I. (1899) Psikhologiya very [Psychology faith]. Sergiev Pasad.
- Vladimirov, F. (1904) Psikhologiya ateizma [Psychology of Atheism]. Pochaiv.
- Vorobyov, S.L. (1995) Ontologicheskie obrazy psihologii. Nachala khristianskoj psihologii [Ontological image of psychology. Christian psychology]. Moscow, 85.
- Zen'ko, Yu.M. (Ed.) (2010) Khristianskaya antropologiya i psikhologiya v litsakh. Osnovnye avtory i raboty s drevnekhristianskogo period po nastoyashhee vremya: bibliograficheskij spravochnik [Christian anthropology and psychology in the people. Main authors and works from early Christian period to the present day: a bibliography]. St. Petersburg.
- Zen'ko, Yu.M. (2000) Trekhvekovoy dialog psihologii i religii v Rossii [Three centuries of dialogue psychology and religion in Russia]. *Khristianskoe chtenie [Christian reading]*. 19.
- Zen'ko, Yu.M. (2009) Psikhologiya religii [Psychology of Religion]. St. Petersburg.
- Zhdan, A.N. (1995) Moskovskoe psikhologicheskoe obshhestvo (1885-1922 [Moscow Psychological Society (1885-1922)]). *Voprosy psihologii [Issues of psychology]*. 5.
- Zhdan, A.N. History of Psychology: from antiquity to modernity / AN Wait. - Moscow, 1997.
- Zinchenko, V.P. (2011) Slovo o Sergee Leonidoviche Rubinshteyne [Word of Sergey L. Rubinstein]. *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya [Style of thinking: the problem of the historical unity of scientific knowledge]*. Moscow, 287.
- (1996) Zov bytiya: filosofsko-psikhologicheskij seminar (pamyati Chelpanova) [Call of existence: the philosophical and psychological seminar (memory Chelpanova)]. *Chelovek [Person]*. 2, 3.